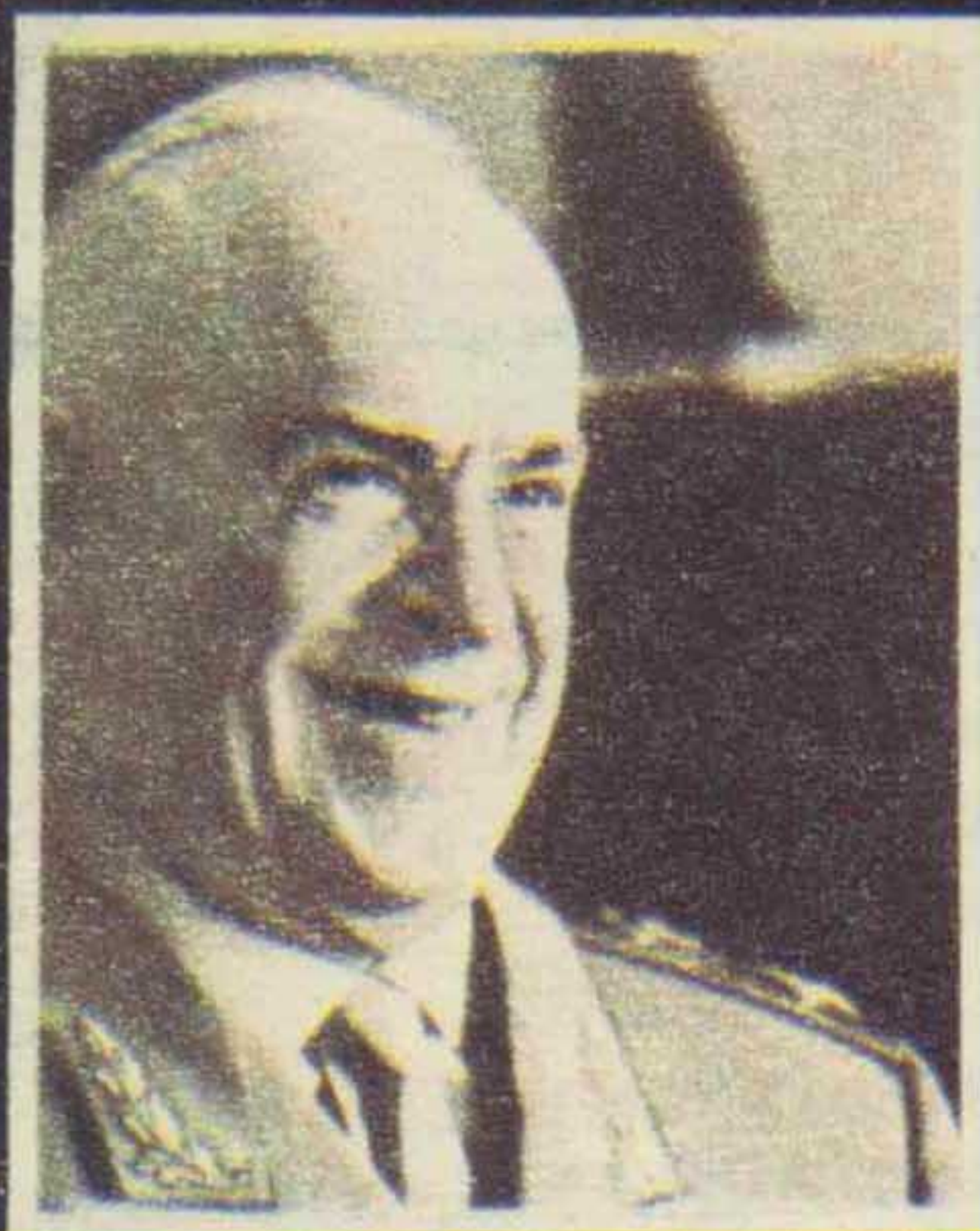

ОГОНЁК

Д. С. ЛИХАЧЕВ:
«ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ
ДАЕТ СМЫСЛ ЖИЗНИ».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 48 НОЯБРЬ 1986

МАРШАЛ ПОБЕДЫ

ДЕНЬ НА ТАМОЖНЕ

ФОТОЛЕТОПИСЬ
ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

НА УЗБЕКСКОЙ
ЗЕМЛЕ

лодающего мозга «запрограммирована» в человеке. Особенно остро мыслить в период лишений и опасности необходимо для сохранения жизни. Но думалось в этот период не о том, как бы избежать этих лишений, а об общих судьбах нашей страны, России. В этот период зародились во мне идеи, легшие в основу сперва книжки «Оборона древнерусских городов», написанной совместно с М. А. Тихановой и вышедшей в Ленинграде осенью 1942 года, а потом книг «Новгород Великий. Очерк истории культуры X—XVII вв.» и «Национальное самосознание Древней Руси», увидевших свет, несмотря на военные трудности, в 1945 году. Уже в этих книгах начала рождаться

идея «замедленного Ренессанса» на Руси, которая впоследствии легла в основу моих книг по истории древней русской литературы — «Развитие русской литературы X—XVII вв.» и целого ряда других работ, связанных с ней и развивающих те же идеи.

В 1947 году я подготовил докторскую диссертацию по истории русского летописания, сильно сокращенный и упрощенный вариант которой вышел в свет благодаря помощи академика И. Ю. Крачковского под названием «Русские летописи и их историко-культурное значение». Основная идея и тема диссертации заключались в попытке рассмотреть всю историю русского летописания как историю лите-

ратурного жанра, при этом постоянно меняющегося в зависимости от изменения историко-литературной обстановки.

В развернутом виде эта концепция дана была мною в книге «Текстология на материале русской литературы XI—XVII вв.» (издана в 1962 году, второе издание — 1983 год).

Через несколько лет я издал две книги, вызвавшие много откликов и подражаний: «Человек в литературе Древней Руси» (1958, 1970) и «Поэтика древнерусской литературы» (1967, 1971). Последняя книга принесла мне вторую Государственную премию.

Не перечисляю других моих работ, книг и частных исследований.

ДОСТОИНСТВО КУЛЬТУРЫ

— Дмитрий Сергеевич, какое значение имеет изучение прошлого, которому вы посвящаете так много сил и труда? Что дает знание былого нам, людям, приближающимся к рубежу третьего тысячелетия?

— Изучение нашего прошлого способно и должно обогатить современную культуру. Современное прочтение забытых идей, образов, традиций, как это часто бывает, может подсказать нам много нового. И это не словесный парадокс...

«Мода» на прошлое перестает быть поверхностной модой, становится более глубоким и широким явлением, к которому стоит присмотреться.

Я самым решительным образом утверждаю: для того чтобы глубоко приобщиться к какой-либо из культур прошлого, нет необходимости отречься от современности, переселиться (духовно) в это прошлое, стать человеком прошлого. Это и невозможно, это и обеднение себя.

Обращение к культуре прошлого — это не измена своей культуре, а дополнение и обогащение ее. Понимание чужих убеждений не есть принятие этих убеждений. Познание не есть растворение познающего в познаваемом.

Одна культура может понимать и глубоко проникать в другую. Это очень важное явление, необходимое для движения вперед. Не только целые народы и эпохи, но и отдельный человек может до конца познать другого человека, не переставая быть самим собой, а лишь обогащаясь познавательно. Мы способны понять не только другое существо, но другую сущность, оставаясь вместе с тем ограниченными от этой другой сущности. Для меня это одно из самых удивительных и самых значительных свойств человеческого познания.

Не следует думать, что весь интерес изучения минувшего состоит в извлечении разного рода «уроков истории». Необходимо еще простая и добросовестная работа по «воскрешению» памятников письменности, материальной

культуры, сведений самого различного характера. Многие забыты, многие не изучены, а потому и неясно, многое погребено в рукописных хранилищах или под землей (яркий пример: берестяные грамоты), под новой застройкой; многое просто надо сохранить для будущих исследований и для того, чтобы эти памятники могли быть действительными участниками в строительстве современной культуры, быть нашими союзниками. Многие мы должны защитить от непонимания, от несправедливых оценок, обывательских представлений, которые, к несчастью, проникают в беллетристику и кино... Мне хотелось бы заметить: понять современность, понять современную эпоху, ее величие, ее значение можно только на огромном историческом фоне. Если мы будем смотреть на современность с расстояния десяти, двадцати, сорока или даже пятидесяти лет, мы увидим немногое. Современную эпоху можно по-настоящему оценить только в свете тысячелетий.

— Какую роль в этом познании и вообще в жизни современного человека играет книга, не уменьшается ли ее роль в наш век научно-технической революции, развития телевидения, видеотехники и т. д.?

— Если уменьшается, то меня это очень печалит. Человеческая культура невозможна без книги, без внимательного, медленного чтения. Есть книги, которые человек перечитывает за свою жизнь и два, и пять раз и всегда открывает для себя что-то новое. Я, например, «Войну и мир» перечитываю без конца. А «Слово о полку Игореве» всегда ношу с собой как молитвенник. Великая, гениальная поэма. Вся жизнь, кажется, изучаю ее и восхищаюсь. Книга, хорошая книга, конечно, открывает не только новый мир, она открывает то, что может быть, бесконечнее мира, — душу человека-творца. Я очень люблю книги Валентина Распутина. Меня тянет перечитывать его произведения. Не многих из наших современных писателей я перечитываю, а Распутина постоянно и

Д. С. Лихачев,
В. А. Генде-Роте,
С. В. Ямщиков
в перерыве заседания
учредительной конференции
Советского фонда
культуры.
Ноябрь 1986 года.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

всегда с волнением открываю его новую книгу. И уж коли заговорил я о Валентине Распутине, то скажу, что восхищен его гражданской позицией. Русские писатели, большие русские писатели всегда поднимали голос в защиту униженных и оскорбленных. Распутин уже много лет отдает свои силы защите сибирской природы, и особенно ее жемчужины — Байкала, и памятников культуры. Меня поражают чиновники и технократы, которые подняли руку на такое чудо, как Байкал, но меня еще более огорчает и настораживает то, с каким трудом беспорные доводы, выдвигаемые писателем, доходят до тех, кто ответствен за беды Байкала.

— Но, видимо, вам, Дмитрий Сергеевич, и самому не раз приходилось сталкиваться с нравственной ущербностью в вашей постоянной борьбе в защиту памятников истории и культуры?

— Конечно. И знаете, что более всего меня настораживает? То, что на словах теперь вроде бы никто не против восстановления, охраны, достойного использования исторических памятников, выпускаются различные бумаги, решения, а дело чаще всего с места почти не движется. И эту проблему надо решать кардинально.

Вот недавно я был в сказочном, волшебном полуразвалившемся доме. Когда-то жила в нем Марина Ивановна Цветаева. Написала здесь она свои лучшие произведения. Дом этот, а находится он неподалеку от уничтоженной Собачьей площадки в Москве, на улице Писемского (бывшем Борисоглебском переулке), видел в своих стенах многих замечательных людей. И уже пять лет живет в нем одна героическая женщина — бывший военный врач Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. Живет в высленном доме, чтобы не дать ему умереть. К ней приходят многие люди, ей помогают энтузиасты, любители поэзии, студенты, литераторы... Но живет она в пустом доме одна. Часто подъезжают сюда экскурсионные автобусы, люди смотрят на обезображенный цветаевский дом, им читают ее стихи, и, я это знаю точно, уходят они от стен дома Цветаевой с настроением тяжелым, сумрачным. А ведь дом поэта, если он бережно и любовно сохранен, должен просветлять сердца. Но что делать, если многие годы до дома Цветаевой никому, кроме энтузиастов, дела не было. Сейчас Моссовет принял решение передать дом городской библиотеке имени Н. А. Некрасова, а квартиру Цветаевой сделать мемориальной. Хорошее, но все же половинчатое решение. Неужели Марина Цветаева не заслужила полноценного музея в Москве? Соседство библиотечных помещений с музейными комнатами — это не выход из положения при самом лучшем отноше-

нии библиотечных работников к мемориальным комнатам.

Кстати, давно, и я уже не раз писал об этом, следует вывести библиотеку имени Гоголя в Москве из дома, где скончался великий писатель, в соседнее здание талызинской усадьбы и организовать наконец в столице музей Николая Васильевича Гоголя. Ведь еще 22 июля 1982 года в постановлении коллегии Министерства культуры РСФСР по поводу моего интервью «Огоньку» «Память истории священна» было сказано: «Рассмотреть до конца 1982 г. вопрос о создании музея Н. В. Гоголя в бывшем доме Талызина с выведением городской библиотеки № 2». Сейчас конец 1986 года. Если мы будем продолжать лишь рассматривать неотложные вопросы культурного строительства по 4—5 лет, мы не многого достигнем.

— Так, Дмитрий Сергеевич, мы подходим к очень сложному вопросу — использования исторических зданий, памятников культуры.

— Существующая практика использования исторических и культурных памятников меня, да и, конечно, не только меня, удовлетворить не может.

Как часто в домах, где жили и творили великие писатели, ученые, художники, находятся какие-то конторы, в памятниках русской архитектуры — склады, гаражи, приемные пункты утильсырья и посуды. Все это работает против культуры, подрывает основы патриотического воспитания молодежи, разрушает любовь к прошлому и в конечном счете учит не любить родную землю. Это очень острая, я бы сказал, большая проблема, и чем скорее и полнее мы ее решим, тем большему числу людей поможем обрести нравственную основу. Это будет не только дань памяти тем, кто жил, творил, умирал в этих старых, но дорогих стенах, но и дань будущему, поколениям грядущим.

И коль скоро наш сегодняшний разговор конкретен, вновь приведу пример. Есть под Москвой удивительное место — Середниково. Это усадьба Юности Лермонтова. И вот уже много лет в усадьбе располагается туберкулезный санаторий. Да, было трудное время для нашей страны, и вполне закономерно, что многие усадьбы использовались как больницы, санатории и т. д., хотя, конечно, не были для этих целей по-настоящему приспособлены. Но те времена ушли. А в Середникове продолжают находиться больные люди. Им неудобно там, помещения, где они находятся, конечно, не отвечают требованиям современной медицины. Чтобы как-то выйти из положения, руководители санатория пытаются строить на территории памятника культуры современные здания, что абсолютно недопустимо. А почему бы не решить этот вопрос справедливо раз и навсегда? Освободить усадьбу Середниково, построить для больных людей современный, новый, удобный санаторий, а в Середникове открыть музей М. Ю. Лермонтова. Повторю: одна такая усадьба сохранилась в Подмосковье, и спасти ее — дело нашей чести.

— Человечество приближается к третьему тысячелетию, уже сейчас создается несколько внушительных программ встречи не только нового века, а нового тысячелетия. Быть может, имеет смысл разработать и программу восстановления к этой дате 15—20 великих памятников (имея в виду все наши братские республики), чтобы они стали символом нового, достойного отношения к культурному наследию?

— Это очень конструктивная идея, которую надо тщательно и детально разработать. Но уже сейчас могу сказать, что восстановление и введение в широкий культурный обиход таких шедевров, как памятники Соловецких островов, Валаама, создание Национального парка в Подмосковье, в блоковских и менделеевских местах с центром в Николо-Пешношском монастыре (откуда давно пора вывести инвалидный интернат), решение проблемы Кижей, пушкинского комплекса Захарово — Вяземы — это те дела, свершение которых достойно может завершить второе тысячелетие нашей эры. Нам следует остановиться, оглянуться и понять, какими богатствами, какими духовными драгоценностями мы располагаем, и нам надо учиться рачительно, умело и достойно распоряжаться нашим историческим наследием.

— Но исторический памятник — это не только здание, какое-то замечательное сооружение, архитектурный ансамбль. Памятник — это и старинная песня, и книга, вышедшая в давние времена, и произведения живописи, и национальная одежда. Они должны пристально

изучаться, издаваться, сохраняться, в конечном счете должны служить народу. Все ли, по вашему мнению, делается сейчас в этом направлении?

— Я считаю, что мы сейчас вступили в полосу очень обнадеживающих перемен. Но эти перемены в первую очередь зависят от нас самих — от писателей, ученых, историков, художников, искусствоведов. Перестройка в отношении памятников культуры и искусства должна захватывать в первую очередь вопрос об оценке произведения культуры, памятника культуры. Часто мы оцениваем их еще с очень узкой, зашоренной, я бы сказал, точки зрения. Нам следует в первую очередь пересмотреть наше отношение к культурному наследию XX века, к творчеству замечательных писателей и художников, чьим искусством нельзя не восхищаться и без оглядки на которых не может полноценно развиваться наше современное искусство — будь то литература, живопись, музыка.

Мне приходилось уже говорить на съезде писателей минувшим летом, и повторю это сейчас: мы должны более смело издавать писателей XX века, чье творчество по той или иной причине мало, а порой и совсем неизвестно. Да, это часто были люди трудной судьбы, путь их, как говорил когда-то Блок, не был лишен остановок и искривлений. Необходимо, безусловно, объяснять при публикации их произведений сложность этого пути, но печатать их книги необходимо. Ведь у нас вырастает даже писательская молодежь, не знающая многих своих предшественников.

Надо шире издавать произведения Ф. Сологуба (и не только стихи и «Мелкого беса»), А. Ремизова, исторические романы Д. Мережковского... Можно перечисление продолжить — все они входят в кладовую литературного опыта, из которой мы можем черпать и черпать с большой пользой для нашей культуры. Я призываю не подражать этим писателям, но обязательно учитывать их опыт.

Когда, например, наши читатели узнают прозу В. Набокова, они прежде всего поражаются его филигранному литературному мастерству. Какие он писал отточенные, изящные рассказы!

Не надо бояться, что Набокову станут подражать, это невозможно, не надо бояться каких-то чуждых нам взглядов Набокова. Кто им будет следовать в наши дни, в нашем обществе? Но у Набокова есть любовь к России, есть пронзительное чувство ностальгии по России; это чувство человека, оказавшегося вне родной земли, никак не может разучить нас любить Россию, любить Родину.

Вообще мы должны быть смелее, смелость — это то, что требуется сейчас. И смелость в изданиях — это и уверенность в нас самих.

— Вы говорите о литературных произведениях, а что бы вы могли сказать об изобразительном искусстве XX века, о том, что мы называем «авангардизмом» в искусстве?

— О, пожалуй, я сразу скажу несколько слов в защиту авангарда, хотя для меня это может показаться несколько неожиданным, ведь я занимаюсь главным образом древней литературой, которая очень традиционна, и моя общественная деятельность, выступления в печати связаны главным образом с защитой традиций и памятников.

Но я должен заметить, что вообще искусства вне традиций, чистого авангарда не существует. Ведь когда, скажем, Кандинский начинал свою деятельность, то он шел в ней от народного русского лубка. В ежегоднике «Памятники культуры, новые открытия», где я являюсь главным редактором, мы публикуем целый ряд писем Кандинского, в которых он требует выписать из России лубок, лубок и лубок. Начал он с традиционного искусства и с народных традиций, и Кандинского этого периода я понимаю и очень ценю.

Возьмем таких авангардистов своего времени, создателей авангардизма, как Пуни и Анненков. Это жители финляндского поселка Куоккала, в котором жил и я, и я их очень хорошо помню, они играли с моими младшими товарищами.

Пуни, итальянец по происхождению, но уже в трех поколениях живших в России, работал в традициях мальчишеского хулиганства, принятого в Куоккале. Его выставка, которую он уст-

роил в трамвае, была очень характерна для той местности, где я жил, где мальчики устраивали эпатажные представления. Выставка Пуни была в традициях такого мальчишеского озорства, и Илья Репин очень этому покровительствовал.

То же самое я должен сказать об Юрии Анненкове, а также о Ларионове и о Гончаровой, которые исходили из традиции русской народной иконы и лубочной первопечатной литературы. На этом основании они строили свое искусство и свой «лучизм».

Наиболее яркий представитель авангардизма — Пикассо. Он переходил от одной традиции к другой, он постоянно следовал традициям, но традициям разным: начинал с традиции испанского искусства, потом переходил к традициям некоторых французских художников-постимпрессионистов, затем он переходил к традициям античности и т. д. Пикассо мы не воспринимаем вне традиций.

Я бы даже сказал, что Марк Шагал, которого считают обычно авангардистом, — наиболее яркий представитель традиционализма. Он традиционалист не только в том смысле, что исходил и из витебского народного еврейского искусства, и из белорусского народного искусства, и из русского лубка, но он сам по себе был представителем своей собственной традиции и не изменял ей до конца жизни. Он всегда ощущал себя жителем Витебска и представителем в Европе этой провинциальной, очень интересной культуры.

Если бы мне нужно было назвать самого крупного представителя авангардизма в древнерусской литературе, я бы назвал имя протопопа Аввакума, писателя XVII века.

Поэтому я хочу сказать, что нельзя делить искусство на традиционное и авангардное: все хорошее искусство является одновременно и искусством авангардным.

— А как вы относитесь к так называемой массовой культуре?

— Выступления против массовой культуры как таковой, я думаю, не следует приветствовать. Мы идем к массовой культуре. Мы не можем выступать против телевидения, против радио, потому что это новые формы культуры.

Массовая культура, точно так же как и авангард, существовала в искусстве всегда. Народное искусство, искусство карнавала, искусство ярмарки, искусство балагана — это массовая культура и, должен сказать, культура, продолжающая оплодотворять высокую культуру современности. Музыка Стравинского исходит из культуры балаганной музыки, балаганных свистков, выкриков и т. д., и это очень интересно.

Речь, повторяю, идет о том, что искусство делится на хорошее и плохое, а не на традиционное и авангардное. Элемент авангарда в искусстве всегда присутствует и всегда должен присутствовать. В больших дозах, иногда мало действующих, или в малых дозах, очень ярко действующих, но это должно быть.

Мы должны быть за хорошее искусство, разное авангардное искусство, разное и хорошее традиционное искусство.

— Занавчивая нашу беседу, мы бы хотели, Дмитрий Сергеевич, поздравить вас не только с наступающим юбилеем, но и с избранием председателем правления Советского фонда культуры — новой общественной организации, перед которой открываются самые широкие перспективы. И наш последний вопрос связан с будущей деятельностью Фонда культуры. Какой она вам мыслится?

— Спасибо за добрые слова. Что касается вашего вопроса, то, по-моему, мы и говорили о том, чем должен заниматься Фонд культуры. Не так ли? Ведь основная задача его может быть выражена девизом «Культурные ценности — народу». Новые экспозиции в музеях, народные фольклорные праздники, розыск и возвращение на Родину оказавшихся за рубежом архивов, произведений искусства, организация музеев личных коллекций — все это и многое другое входит в сферу деятельности Советского фонда культуры. Впрочем, мы стоим у самых истоков этой деятельности. А зависеть она будет от каждого из нас. Ведь Фонд культуры ждет помощи и предложений от каждого человека, заинтересованного в сохранении культурного наследия нашего Отечества.

Материалы подготовили
Д. ЧУКОВСКИЙ и В. ЕНИЩЕРЛОВ.